

СВЕТЛАНА АСТРЕЦОВА

В руках у вас

Светлана Константиновна Астрецова

В руках у вас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24050920

ISBN 9785448514203

Аннотация

Светлана Астрецова – поэт, художник, журналист, режиссёр. Лауреат международных литературных премий и фестивалей, таких как «Серебряный стрелец», «Русский Stil», «Золотая строфа», «Славянские традиции» и других. Её книга «В руках у вас» – переосмысление образов, созданных Серебряным веком. Это не просто сборник стихов, а скорее поэтический альбом, где собраны авторские иллюстрации и фэшн-фотографии.

Содержание

В РУКАХ У ВАС	5
АВТОРА!	7
СОМНИТЕЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ	8
ПОЭЗИЯ ЛИНИЙ	11
КОНЦЕРТ ПАГАНИНИ	13
ПРОРЫВ В ПРОШЛОЕ	16
ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В руках у вас

**Светлана Константиновна
Астрецова**

© Светлана Константиновна Астрецова, 2017

ISBN 978-5-4485-1420-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В ПУКАХ У БАС

Поэзия недостижима. Она не падает с небес поэту в руки, а если и падает, то требует от него невероятных жертв.

Жан Кокто

Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...

– Так теперь заведено. —

Этих чувств и этих мыслей

Мне от Бога не дано!

Марина Цветаева

Поэзия – это не публика, презентации, рецензии, интервью. Это «религия без надежды». Одержимость, которая нередко отодвигает на задний план все – семью, чувства, личную жизнь. Дело, успех и результат которого никогда нельзя предсказать. Движение мысли, которое не исчерпывается восьмичасовым рабочим днем. Готовность безоговорочно принять то, что диктует тебе ночь, как спящий принимает сон. Конечно, то же может сказать о своей работе художник, музыкант, актер. Но я свой выбор сделала – и говорю о своем.

АВТОРА!

Мне нравится, что живописцы позднего Средневековья по большей части не подписывали картины, как, например, неизвестный автор знаменитого кельнского триптиха. Когда мастер в тени, его имя не повлияет на судьбу произведения, создатель уже не важен, важна работа. Мне всегда казалось, что авторство не имеет особого значения, это касается и моих стихов. Конечно, в век телевидения и интернета сохранить анонимность нереально. Рано или поздно станет известно, кто автор.

Творческие вечера традиционно предваряют биографической справкой. Почти в каждом поэтическом сборнике есть раздел «об авторе» или краткий перечень дат и событий, заключенный в «хронологическую таблицу».

Всех интересует, где и когда родился поэт, к какой конфессии принадлежал и какое блюдо предпочитал на ланч. Желаящим проникнуть в тайны рациона художника, рекомендую обратиться к книге Сальвадора Дали «Дневник гения», где «безумный каталонец» описал все составляющие «далианского меню»: сахарные сосиски, «руки цыганки» и омар в шоколаде. Однако помимо гастрономической есть биография читательская, зрительская, чувственная.

СОМНИТЕЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Свою автобиографию я могла бы начать с исторических реминисценций:

Я родилась 16 октября 1990 года в Москве. Спустя 136 лет после того, как в Дублине появился на свет Оскар Уайльд. За 197 лет до моего рождения на площади Республики в Париже обезглавили Марию-Антуанетту.

Я могла бы продолжить рассказ в жанре «читательской биографии»:

«Те, кто читают книги, владеют миром, те, кто смотрят телевизор, – теряют его». Мне повезло, я предпочитала книги телевизору. Сначала мне читала мама: стихи Пушкина и Лермонтова, вместо колыбельных, затем последовали Блок, Пастернак, Цветаева, Гумилев.

В возрасте двух лет я бойко лопотала в рифму на непонятном языке. В четыре года знала наизусть «Песнь о вещем Олеге». К пяти годам научилась читать сама. Особенно любила читать ночью, при свете фонарика. Иногда под одеялом и до рассвета.

С тех пор я делила существование между двумя мирами, отнюдь для меня не равноценными.

Был «настоящий» мир: моих друзей, школы, шалашей,

летних купаний, игр с авантюрными сюжетами. Мир книг был более настоящим. Он существовал благодаря Булгакову и Мариенгофу, Уайльду и Шоу, Диккенсу, Гамсуну, Виану.

Из книг я узнала о существовании чего-то большего, чем то, до чего можно дотронуться. Они многому меня научили. Я обрела обостренную способность чувствовать. Благодаря роману Достоевского «Идиот» я ощутила смерть. Даже почувствовала ее запах.

«... Спавший был закрыт с головой, белой простыней, но члены как-то неясно обозначались; видно только было, по возвышению, что лежит протянувшись человек... В ногах, сбиты были в комок какие-то кружева, и на белевших кружевах, выглядывая из-под простыни, обозначался кончик обнаженной ноги; он казался как бы выточенным из мрамора и ужасно был неподвижен... Вдруг зажужжала проснувшаяся муха, пронеслась над кроватью и затихла у изголовья». Затворенные наглухо окна, четыре склянки ждановской жидкости, покойница под «американской клеенкой», и двое обезумевших мужчин у нее ног. Сцена с мертвой Настасьей Филипповной стояла у меня перед глазами несколько недель. Я вообще сравниваю Достоевского с какой-то печатью человечности, которая формирует душу и которую нельзя стереть или забыть.

Это была не проза – поэзия. Искусство, в котором жила Смерть. До этого смерть была для меня абстракцией, наподобие «Черного квадрата» Малевича. Теперь она предстала

в объеме. В мельчайших подробностях, которые были реальнее реальности. Как стигматы на ладонях «Мертвого Христа» Ганса Гольбейна.

Понимание литературы совпало с осознанием смерти, а значит, и жизни. Заставило почувствовать поэзию жизни и смерти. Тогда я поняла, что должна заниматься поэзией. Отсюда пойдет отсчет моей писательской биографии. И это уже ближе к делу.

Истинная биография поэта – не в хронологии дат, а в произведениях. Жизнь художника можно по-настоящему изучить лишь по его работам.

Я предлагаю рассматривать поэтическое произведение отдельно от личности его создателя. Как античный барельеф, найденный при раскопках Геркуланума. Мне бы хотелось сделать вас очевидцами удивительных видений, оставляя за собой роль проводника в мир теней. Тем более, что обращаюсь к людям, которые могли бы представить более затейливую цепь событий и вообразить приключения более жуткие чем те, которые произошли в реальности.

ПОЭЗИЯ ЛИНИЙ

На рубеже IV – III веков до нашей эры греческий поэт Симмий Родосский начал писать стихотворения в форме секиры, яйца, крыльев, с соответствующим содержанием. Поэзия барокко породила стихи-рисунки. В России XVII столетия они были в большой моде. Каллиграммами увлекались футуристы начала прошлого века.

«У писателя линия главенствует над сутью и формой. Она идет через слова, которые он собирает вместе. Она – постоянно звучащая нота, не видимая и не слышимая. Она – в некотором смысле стиль души, и если эта линия где-то внутри прерывается и лишь закручивается арабеской, значит души больше нет и слог мертв», – писал Жан Кокто в сборнике очерков «Трудность бытия».

Для меня всегда было важно изобразительное начало. Быть может поэтому я часто иллюстрирую свои произведения. Рисунок и слово идут параллельно, являясь логическим продолжением друг друга. Линия может стать и буквой и рисунком. Буквы образуют строки, переходящие в фигуры людей и животных. Поэзия та же линия – рисунок та же поэзия. «Живопись – молчащая поэзия, а поэзия – звучащая живопись». Все едино.

Однажды рисунки и стихи превратятся в ожившие изображение и звучащее слово – в искусство кино. В этой области

я еще мало знаю и умею, совершая первые неуверенные шаги, из которых впоследствии рассчитываю сочинить изощренный танец.

Оговорюсь: поэзия – это не только рифмованные строки. Поэзия может жить в фильме, музыке или картине.

Если говорить о влиянии чужих работ – раз пять или шесть мне доводилось испытывать невероятное ощущение, озарение, что-то, проливающее свет на твое существование. И иногда – даже если тебя с автором разделяют века – ты словно обретаешь брата и осознаешь, что теперь не одинок. Так на меня повлияли «Дориан Грей» Уайльда, «Демон сидящий» Врубеля, «Реквием» Моцарта и «Казанова» Федерико Феллини,

Переводы западно-европейских поэтов стали моей поэтической школой. Лучшей из возможных. Подражание «золотым голосам Серебряного века» – университетом. Самым чарующим.

И те и другие я включаю в подборку. Это неотъемлемый отрезок пути, этап не менее важный, чем то, что я делаю сегодня. Ранние стихи близки и дороги мне, как детские фотографии.

КОНЦЕРТ ПАГАНИНИ

Выйдя из отеля на площади Пигаль, можно прогуляться в центр Парижа, мимо знаменитой Опера Гарнье по направлению к церкви Мадлен. Она носит имя святой Марии Магдалины. Строительство церкви началось в 1763 году, но было остановлено во времена Французской революции. Наполеон хотел, чтобы это был храм, напоминающий Парфенон, и прославлял величие его армии. Но церковь при Наполеоне достроить не успели. Людовик XVIII оставил экстерьер без изменений, а внутренне убранство пожелал видеть в римском стиле. Так появилась церковь, в которой переплелись архитектурные стили Греции и Рима, в которой нет ни колокольни, ни креста. Церковь, в которой празднуют самые пышные свадьбы и дают концерты классической музыки.

На репетиции последних можно попасть совершенно бесплатно, что я и сделала в июне 2009ого. Играли «Времена года» Вивальди. На месте проповедника за пюпитром стоял дирижер. В алтарной части кружком расположились оркестранты – кто в шортах, кто в тренировочных костюмах.

Откинувшись на резную спинку скамьи, я представляла, как музыканты срываются со своих мест и носятся в пространстве между колоннами и витражами, а на месте барельефа с цветочным орнаментом распускаются настоящие розы.

По возвращении в отель на площади Пигаль я за один вечер написала «Концерт Паганини». Конечно, в стихотворении запечатлена не реальная сцена, а искаженное о ней воспоминание. Оркестр играет не Вивальди, а Паганини. Не в церкви Мадлен, а в готическом соборе наподобие Нотр-Дама или Дуомо ди Милано. Такое расхождение французские авангардисты начала прошлого века определяли, как «искажение во времени». Из этого концерта понемногу возникли стиль и архитектура стихотворений всего сборника.

Добавлю, здесь есть несколько моментов, которые вызывают недоумение.

Во-первых, при слове «собор» читатель бросается на поиски религиозного подтекста или даже обвиняет автора в ненависти к религии. Будто бы «в мертвое святилище приходит зло и вдыхает в него жизнь». Это не так. Я использовала интерьер готического собора как театральную декорацию, где меня интересует лишь эстетический компонент.

Еще одно заблуждение. Многие думают, что оркестром управляет сам Паганини. Тогда как за дирижерским пультом именно «седой капельмейстер». Он не автор этой музыки, а исполнитель, если угодно, интерпретатор. Его «вознесение» и падение – переживание чужой музыки. Музыка, созданной задолго до него.

Воспринимать искусство в меру своего образования и миропонимания естественно. Однако видеть аллюзии там, где их избегаю, и перенасыщать знаками и символами произве-

дение, благородство которого в их полном отсутствии, просто смешно.

Другой пример. На поэтическом вечере в Булгаковском доме ко мне подошел молодой человек, сказал, что очарован стихотворением «про самолет». Оказалось, он говорил вот об этом:

Евреечка в красных лодочках
Брала проездной билет,
Тащили гнедые лошади
По небу кабриолет.

Строфа была истолкована им, как образ самолета, и последовало неверное понимание всего стихотворения.

Фраза «говорим «партия», подразумеваем «Ленин», – не по мне и не про меня. Я ничего не подразумеваю. Если я пишу «кабриолет», это значит, что я имею в виду именно «кабриолет», не двуколку, не Лексус и уж точно не летательный аппарат. Не больше и не меньше.

ПРОРЫВ В ПРОШЛОЕ

У поэта Олега Чухонцева есть мысль, с которой я в корне не согласна. По его словам «хорошее стихотворение всегда можно с точностью датировать», определить в какое время и даже каким человеком оно было создано.

Вслед за Оскаром Уайльдом, который писал, что «не бывает книг моральных или аморальных, есть просто хорошие книги и плохие», скажу, что нет тем правильных и неправильных. Есть плохо и хорошо описанные.

Я никогда специально не продумываю «тему» и обстановку, не стремлюсь к тому, чтобы какие-то идеи в стихотворении соотносились с другими отвлеченными идеями или с моими предыдущими работами. Да, вероятно, есть какие-то общие темы. Но только не просите меня их называть. Когда я сажусь писать, то не задаюсь какими-то конкретными вопросами и не углубляюсь намеренно в какие-то конкретные темы. Я просто описываю то, что вижу.

Кто-то сочтет мои образы «трагическими и пугающими». Для других – это стихи «очень благополучного человека». Это мир соборов и шпилей, которые «некоторые люди найдут слишком высокими», цирковых арен, торговых площадей и оперных театров. Здесь правят бал декорации массивные, величественные, и в то же время совершенно реальные.

В какие годы живут мои персонажи? Belle Epoque? 25 ав-

густа 1572 года (утро после Варфоломеевской ночи)? Или в наши дни? Все едино. Время действия – вне времени. Время – вообще категория чисто человеческая и не существует как объективная реальность.

Не больше значения я придаю и месту действия. Центральный неф готического собора, внутреннее пространство человеческого тела, таверна в Лейпциге, испанский бульвар Рамбла – место действия – Алеф. Точка, в которой, «не смешиваясь, находятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон». Заложив подобную систему координат, практически невозможно пересказать содержание картины.

В стихотворении «Галатея» конструкция собора и архитектура человеческого тела почти неразделимы. Античная легенда о Пигмалионе разыгрывается в интерьерах «пламенеющей готики». Скульптор оживляет статую силой своей любви, облеченной в слово. Но на этот раз вместо ответного чувства «Галатея» охвачена жадой мести.

«Отраднo спать – отрадней камнем быть. О, в этот век-преступный и постыдный – не жить, не чувствовать – удел завидный... Прошу: молчи – не смей меня будить», – она не желает пробуждаться, подобно Ночи из стихотворения Микеланджело Буонаротти. «Только сумасшедший пробудит статую внезапно от векового сна». Узнав о своей конечности, произведение искусства может возненавидеть своего создателя. Не тоже ли можно сказать о человеке?

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Конечно, мой сборник построен как намеренное противостояние модным веяниям, попытка грести «против течения», идти «не в ногу». Он задуман как некий вызов царствующему сейчас антиэстетизму. Присутствие в произведениях устаревших слов и классической формы – намеренный уход «вправо», давно вышедший из моды.

Классическую форму упрекают в том, что она «связывает стих». Рифма ограничивает лексику, поскольку запас рифмующих слов не так велик. А стихотворный размер воздействует на интонацию, делая ее однообразной и разбивает стих на замкнутые строфические единицы.

Меня, напротив, классическая форма не ограничивает. Она скорее выполняет роль своеобразного корсета, который удерживает позвоночник и грудную клетку в «физиологическом положении». Который не терпит не малейшего «искривления» или «смещения» и позволяет выстроить произведение с математической точностью, так чтобы каждое слово оказалось на положенном месте. Слов должно быть как можно меньше, и каждое должно быть вкладом в сюжет.

В заключение приведу пример осуждения, которое сформулировал один литературный критик: «Странное впечатление оставили у меня ваши работы. Можно подумать, что второй половины XX века не существовало». Он упрекает

меня в «излишней красивости», в технических ухищрениях и обилии трюков, в поиске «гармонии, которая невысказана после Второй мировой войны».

Естественно невероятно трудно подойти к поэзии вплотную. Она похожа на хищного зверя. Фильмы об Африке упрекают в обилии трюков. А как же иначе? Снимаешь львов, записываешь львиный рык, а получается, что ты прыгаешь с кровати под дребезжание лампы, и это заставляет документалистов становиться художниками, то есть создавать иллюзию того, что они видели и слышали, при помощи прыжков с кровати и звука лампы, которая дребезжит в умелых руках звукотехников. Не скрою, что я использовала трюки, чтобы сделать поэзию видимой и слышимой.

Мне смешно, когда меня обвиняют в технической изощренности и эстетизме. Если к ним не прибегать стихи лишатся своего главного преимущества – показать «вечность в облики красоты». Спрашивается, почему бы мне не исполнить концерт Паганини на одной скрипке, когда в моем распоряжении целый оркестр. Почему бы не отказаться от средств, которыми располагает только поэзия, почему бы не заняться театром, но оставляя в стороне уловки и приемы, благодаря которым театру удается избежать участи стать пошлым подражанием жизни.

«Второй половины XX века для меня не существовало»... Существовала, разумеется, но не вызвала желания исследовать ее и запечатлеть. «Писать надо о том, что тебя волнует

и что ты знаешь хорошо, или не знает никто».

У нашей эпохи есть тенденция принимать злободневность за серьезность и подозрительно относиться ко всему, что уводит в сферу «фантазийности». Ведь она уже взрослая и мечтать ей – стыдно.

Не думайте, будто я недооцениваю реализм и произведения искусства, затрагивающие острые вопросы современности. И я не в коем случае не ставлю себя в пример и не призываю следовать за мной. «По направлению к готике» – разработка близкой мне области, но если бы она стала жанром, к ней пропал бы интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.